

29.038K

Р
ЕВОЛЮЦИЯ,

В. РУЖИНА

ЛЮБОВЬ,

МУЖЕСТВО

Из книг
Л.А. Розановой

Вадим Ружина

**Революция,
любовь,
мужество**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАРТЯ МОЛДОВЕНЯСКЭ»
КИШИНЕВ * 1976

„Мы жили жизнью смелой...“

« МЫ ДАЖЕ СМЕРТИ ВЫШЕ... »

На окраине глухой, затерявшейся в смоленских лесах деревушки Баранцево погиб, сражаясь с фашистами, 8 февраля 1942 года политрук пулеметной роты 1106-го стрелкового полка, студент-выпускник Московского университета Николай Майоров. За два года до гибели суровыми и гордыми строками поэт Майоров пророчески сказал о себе, о своих боевых друзьях, о бессмертии своего поколения:

Что гибель нам? Мы даже смерти выше.
В могилах мы построились в отряд.
И ждем приказа нового. И пусть
Не думают, что мертвые не слышат,
Когда о них живые говорят.

Потомки говорят. Пусть не сразу, не полным голосом заговорили о великолепном советском поэте, прожившем на свете неполные 23 года, но уже сейчас многие его стихотворения стали подлинно хрестоматийными. И без стихов Николая Майорова нельзя составить антологию советской поэзии.

Правда, после первых публикаций его стихов в «Ивановском альманахе» и других изданиях в конце сороковых — начале пятидесятых годов, даже после появления сборников его стихов, столичная критика, занятая жестокими и громкими спорами о физиках и лириках, об «интеллектуалах» и «почвенниках» и проч., и проч., долгое время не жаловала вниманием отличные стихи вполне сложившегося, самобытного поэта незаурядного дарования. Все недосуг да недосуг.. А в четвертом томе «Краткой литературной энциклопедии» поэту уделен лишь крохотный столбик из тринадцати строк. Но слава, как известно, не всегда вовремя успевает венчать своим венком достойных. К тому же лишь недавно друзьями Майорова и исследователями его творчества буквально по крупицам были бережно собраны стихи, не печатавшиеся при жизни поэта, разбросанные по страницам частных писем, рукописных журналов, хранившиеся у родных рядом с «похоронкой». Тут особенно велики заслуги его школьного друга и одноклассника — ивановского поэта В. Жукова, старшего товарища Майорова студенческих лет В. Болховитинова — нынешнего редактора журнала «Наука и жизнь», подруги поэта И. Пташниковой, литературоведа П. Куприяновского.

В 1972 году в Москве издательством «Молодая гвардия» был выпущен в свет наиболее полный сборник его стихов «Мы». Стали появляться в печати воспоминания о жизни поэта необычайно яркого дарования.

Наконец-то читатель может получить достаточное представление не только о стихах, но и о личности поэ-

та, удивительно полно гармонирующей с его поэзией.

Жизнь Майорова была коротка и не очень богата эффектными внешними событиями, она очень похожа на жизнь миллионов молодых советских людей, воспитанных Советской властью, ставших грудью на защиту своего Отечества в грозном сорок первом.

Родился и вырос он в семье крестьянина-бедняка, ставшего затем плотником в Иванове. В этом городе-труженике прошло детство поэта, здесь рано, как у большинства очень одаренных поэтов, проявились его литературные способности. Добрую память о родных и земляках, о их тяжелых натруженных ладонях поэт сохранил до конца своих дней:

Отцы мои! Я следовал за вами
С раскрытым сердцем, с лучшими словами,
Глаза мои не обожгло слезами,
Глаза мои обращены на всех.

Блестяще окончив среднюю школу, очень собранный, энергичный и работоспособный юноша, далекий от мечты о ранней литературной славе, поступает учиться на исторический факультет МГУ, где вскоре обнаружил незаурядные способности не только поэта, но и серьезного ученого-исследователя. Тут, в многотиражке «Московский университет» были опубликованы первые его стихи. Других публикаций ему при жизни увидеть не довелось. По странному решению тогдашнего ректора МГУ был рассыпан набор студенческого сборника стихов, уже подготовленного к печати, где было немало стихотворений Н. Майорова. Но он и не торопился, не расталкивал плечами соседей, не гнался за признанием и славой, несмотря на добрые отзывы друзей и старших наставников, среди которых были признанные мастера стиха — П. Антокольский, И. Сельвинский и другие. Серьезные занятия в университете Майоров сочетает в учебой в Литературном институте. И находит время для постоянной работы над стихами. Он за корот-

кий срок написал очень много. И очень много читал, знал наизусть поэтов самых разных — Блока и Маяковского, Есенина и Багрицкого...

В ранних стихах поэта первых студенческих лет есть некоторое влияние Есенина и Бунина при изображении родной русской природы, определенное воздействие П. Антокольского в стихах, несколько перегруженных книжной «экзотикой». Что ж, без хороших учителей вряд ли удавалось когда-либо расти поэту... Но вместе с тем гражданская и писательская зрелость, самобытность быстро пришли к Майорову уже в последние предвоенные годы. И сама жизнь того времени — нередко суровая и тревожная — была лучшим учителем поэта. Интересны воспоминания поэта В. Жукова, встречавшегося с Майоровым летом 1938 г. во время студенческих каникул: «...в наших местах (а жили мы на окраине Иванова) разбился самолет... В суровом молчании на холодный горький песок первой в нашей мальчишеской жизни братской могилы друзья-летчики возложили срезанные ударом о землю винты самолета. А вечером Коля читал стихи, которые заканчивались строфой:

О, если б все с такою жаждой жили!
Чтоб на могилу им взамен плиты
Как память им взятой высоты
Их инструмент разбитый положили
И лишь потом поставили цветы».

В эти годы всё ясней и ясней очерчивается главная тема творчества Майорова — тема жизни, побеждающей смерть, тема мужества и бесстрашия, беспредельной преданности долгу советского человека.

В наши дни широко известным стало стихотворение Николая Майорова «Мы», вынесенное в заглавие его последнего сборника. Без малейшего преувеличения можно сказать, что никто из поэтов с такой полнотой и силой не воплотил в стихах обобщенный образ молодого поколения нашей страны предвоенных лет, как Майоров в этом стихотворении. В нем — страстная жаж-

Н. Майоров.
Портрет с натуры худ. Н. Шеберстова. Публикуется впервые.

да созидания, нетерпеливое стремление к новым, совершенным и чистым формам жизни, максимализм требований к себе и товарищам, умение подчинить свои чувства долгу во имя высших интересов Родины. В нем как бы отдельными, быстро сменяющимися кадрами перед читателем проходят открытые, загорелые, обветренные лица героев первых пятилеток, строителей Днепрогэса и Комсомольска-на-Амуре, героев Испании, Халхин-Гола и нелегкой финской войны:

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах читаете, как миф,
О людях, что ушли, не долюбив,
Не докурив последней папиросы.
Когда б не бой, не вечные исканья
Крутых путей к последней высоте,
Мы б сохранились в бронзовых ваяньях,
В столбцах газет, в набросках на холсте.
Но время шло. Меняли реки русла,
И жили мы, не тратя лишних слов,
Чтоб к вам прийти лишь в пересказах устных
Да в серой прозе наших дневников.

Мы жгли костры и вспять пускали реки.
Нам не хватало неба и воды.
Упрямой жизни в каждом человеке
Железом обозначены следы...
Мы брали пламя голыми руками.
Грудь раскрывали ветру. Из ковша
Тянули воду полными глотками
И в женщину влюблялись не спеша.

Такие строки мог писать только поэт большого таланта и творческой зрелости. Какая спрессованность, лаконичность и зримость образов, какая энергия, раскаленность стиха, какое, наконец, умение увидеть и передать в поэзии главное в жизни своего поколения! И это написано двадцатилетним поэтом, который фактически делал лишь первые шаги в литературе...

Суровая самоотреченность, самозабвенная верность долгу вовсе не равнозначны монашескому аскетизму.

Как и все молодые поэты, Майоров много писал о любви. И тут поэт остается верен себе. Его любовная лирика отличается удивительной «энергичностью» и мужественностью, в ней жарко бьется пульс честного и сильного человека, далекого от сентиментальных вздохов, остро ощущающего ритм земной жизни, ее радости и печали. Словами суровыми, подчас резкими для такого рода поэзии, поэт славит силу большой и мучительной порою страсти, облагораживающей человека, ведущей его на большие дела:

Идти сквозь вьюгу напролом.
Ползти ползком. Бежать вслепую.
Идти и падать. Бить челом,
И все ж любить ее такую!..

.
Не спать ночей, гнать тишину из комнат,
Сдвигать столы, последний взять редут,
И женщин тех, которые не помнят,
Обратно звать, и знать, что не придут.
Не спать ночей, недосчитаться писем,
Не чтить посулов, доводов, похвал,
И видеть те неснившиеся выси,
Которых прежде глаз не досягал, —
Найти вещей извечные основы.
Вдруг вспомнить жизнь.
В лицо узнать ее.
Прийти к тебе и, не сказав ни слова,
Уйти, забыть и возвратиться снова.
Моя любовь — могущество мое!

Нет тут и тени подражания кому-либо. Эти стихи не спутаешь с другими. В них чисто майоровская интонация — строгая чистота, «обнаженность» слова, бешеное кипение ритма, который как бы рвется под внешней броней суровости, подчеркнутой сдержанности каждой строки. И тут вновь — в самом широком смысле этого слова — обобщенный образ души и сердца молодого человека советской эпохи, концентрация его лучших моральных качеств.

Любовь для поэта — могучий источник творческого вдохновения. Без любви не может быть и искусства. Молодой поэт много размышляет о его природе и глубинной сущности. Особенно показательно в этом отношении прекрасное стихотворение «Творчество», написанное как вступление к несохранившейся поэме:

Есть жажда творчества,
Уменье созидать,
На камень камни класть.
Вести леса строений.
Не спать ночей, по суткам голодать,
Вставать до звезд и падать на колени.
Остаться нищим и глухим навек,
Идти с собой, с своей эпохой вровень
И воду пить из тех целебных рек,
К которым прикоснулся сам Бетховен.
Брать в руки гипс, склоняться на подрамник,
Весь мир вместить в дыхание одно,
Одним мазком весь этот лес и камни
Живыми положить на полотно.
Не дописав,
Оставить кисти сыну, —
Так передать цвета своей земли,
Чтоб век спустя все так же мяли глину
И лучшего придумать не смогли.

Поражает точность и — не будем бояться этого слова — мудрость в отборе слов и образов. Какого большого поэта отняла у советской России война!

...В самое тяжелое для Родины время — 18 октября 1941 года Николай Майоров добровольцем ушел на фронт. Через три с лишним месяца его не стало. Точнее — он шагнул в бессмертие:

О нашем времени расскажут.
Когда пройдем, на нас укажут
И скажут сыну: — Будь прямой.
Возьми шинель — покроешь плечи,
Когда мороз невою,
А тем — прости: им было нечем
Прикрыть бессмертья наготу.

Бессмертье без лавровых венков, мавзолеев и почетных наград. Бессмертье в суровой солдатской могиле, наспех выдолбленной в неласковой промерзшей земле на Смоленщине...

К последнему письму Николая Майорова любимой женщине были приложены стихи — автопортрет поэта:

Тебе, конечно, вспомнится несмелый
и мешковатый юноша,
когда
ты надорвешь конверт
армейский белый
с «осьмушкой» похоронного листа...
Он был хороший парень и товарищ,
такой наивный, с родинкой у рта.
Но в нем тебе не нравилась

одна лишь

для женщины обидная черта:
он был поэт, хотя и малой силы,
но был,
любил

и за строкой спешил.
И как бы ты ни жгла

и ни любила, —

так, как стихи, тебя он не любил.
И в самый крайний миг

перед атакой,
самим собою жертвуя, любя,
он за четыре строчки Пастернака
в полубреду, но мог отдать тебя!
Земля не обернется мавзолеем...
Прости ему: бывают чудачки,
которые умрут, не пожалев,
за правоту прихлынувшей строки...

Конечно, слова о «четырех строчках Пастернака» не следует понимать буквально. В этом резко заостренном образном выражении — клятва беззаветной верности искусству, что называется — до гробовой доски.

Дотошный исследователь вправе найти в стихах Николая Майорова определенные следы влияний Б. Пастернака, П. Антокольского, Э. Багрицкого, П. Василье-

ва и некоторых других поэтов — «хороших и разных». Особенно заметно, пожалуй, влияние поэзии Багрицкого с ее напористостью и энергией стиха, буйством «земной плоти», склонностью к романтическому контрасту образов — то подчеркнуто приземленных, то рвущихся к звездам. Но если говорить об истоках и влияниях, то нет ли прямого воздействия также щедрой, яркой и буйной жизнеутверждающей палитры Палеха с ее чистыми красками на поэтику Николая Майорова, выросшего в Иванове — рядом с прославленным центром русской народной живописи, которая была ему хорошо знакома? Невольно напрашивается эта мысль, когда читаешь строки из его поэмы «Семья»:

На нем огромная рубаха
(Носил ее он с Покрова)
Пылала кровью, словно плаха,
С которой пала голова.

И пот стекал по переносью
(Густая мутная вода)
Туда, где рыжая, как осень,
На грудь спадала борода...

И, наконец, не пора ли сказать об особой школе ивановских поэтов, сложившейся уже в предвоенные годы. В самом деле, еще в 1919 году А. В. Луначарский прочески назвал хмурый, разбросанный на бедных песчаных косогорах трудовой город ткачей Иваново-Вознесенск «поэтическими Афинами». И ведь вовсе не случайно через два года В. И. Ленина заинтересовал «кружок *настоящих* пролетарских поэтов»¹ Иваново-Вознесенска.

Даже если говорить о творчестве поэтов одного лишь поколения последних предвоенных лет, начинавших свой путь в Иванове, — М. Дудине, А. Лебедеву, Н. Майорову, В. Жукову, то, при всем своеобразии «творческого

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 52, стр. 58.

почерка» каждого из них, нетрудно увидеть и нечто общее — резко выраженную гражданственность, чувство личной ответственности за судьбу своей Родины, рано пришедшую политическую и творческую зрелость, глубокий интерес и бережное отношение к лучшим традициям русской национальной культуры, русского стиха, безразличие к внешне эффектным поэтическим погрешкам — «новациям», к дешевому эстраднему успеху, к ранней славе, отсутствие этакой наигранной инфантильности, какая-то глубокая серьезность, подчеркнута мужская сдержанность в выражении своих чувств, энергия, волевой напор стиха. Но это, видимо, — тема особого разговора.

Годы, прошедшие со дня героической смерти Николая Майорова, явились лучшей проверкой достоинств его поэзии. Его душевно чистые, честные, всегда напряженно страстные стихи удивительно точно передают ритм жизни и духовный облик молодого человека не только конца 30-х — начала 40-х годов, но и нашего времени. Они покоряют сердца все новых и новых читателей. С благодарностью вспоминают они поэта, который в своих стихах — по-юношески угловатых, но вместе с тем подкупающе искренних, сердечных, — сказал потомкам о судьбе своего героического поколения:

Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не все умрет, не все войдет в каталог.
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя, пронесли.

Но как бы ни давили память годы,
Нас не забудут потому вовек,
Что, всей планете делая погоду,
Мы в плоть одели слово «человек»!

Никто не забыт, ничто не забыто. Пришла к читателю и поэзия Николая Майорова.

